

мости, находился в обращении до XIII века и совершенно исчез два века спустя.

Нас в данном случае интересует только основная схема романа Унсури: Азра, дочь Поликрата, тирана на острове Самос, влюбляется в Вамика, с которым она познакомилась во время посещения храма Геры. По ее настоянию родители дают согласие на брак. Однако отец затем изменяет свое решение, а позднее гибнет при нападении врагов. Азра и Вамик попадают в плен к другому правителю, и после того, как Азра в течение четырех лет сумела устоять против его любви, правитель отпускает их на свободу, и роман оканчивается благополучно.

С этой схемой можно сравнить некоторые черты другого персидского романа в стихах «Варк и Гольшах»⁴³, автором которого был в первой половине XI в. Айюки: молодые люди влюбляются друг в друга с первого взгляда, родители дают согласие на брак. Гольшах во время нападения похищают враги, но она умеет устоять против предложений их начальника. Варк освобождает ее и уходит, чтобы принять участие в дальнейших битвах. Родители Гольшах нарушают обещание, данное Варку, и выдают Гольшах замуж за сирийского царя, Варку же они сообщают, что Гольшах умерла. Гольшах противится любовным предложениям своего супруга, сирийского царя. Когда царь видит любовь Гольшах к Варку, он отпускает ее от себя, и роман снова кончается благополучно — влюбленные сочетаются браком.

Некоторые из этих основных мотивов, например сохранение героиней девства, несмотря на брак с нелюбимым мужчиной, встречаются также в романе «Вис и Рамин». Следовательно, можно согласиться со взглядом Э. Бертельса относительно значительного влияния античного греческого романа на персидский⁴⁴ и принять во внимание совместные корни последнего с византийским, который, однако, был гораздо теснее связан с античными образцами, все еще жившими в Византии той эпохи.

Меликян-Ширвани⁴⁵, издатель французского перевода «Варк и Гольшах», видит чуждый исламу элемент в мотиве «злонамеренной судьбы», «несправедливой судьбы» и в пессимистическом отношении к жизни в персидских романах; поэтому он ищет их корни в доисламских иранских гетеродоксиях. Однако, такие мотивы типичны для эллинистического греческого романа (*ῥάσκωνος τύχη* и т. д.), а аналогичный взгляд на человеческую жизнь мы находим, например, в гномах, сохранившихся от романа Константина Манассии⁴⁶.

Принято считать, что на лирический оттенок персидских романов повлияла арабская традиция о любви поэтов (например, рассказ об Урве и Агре)⁴⁷. В особенности роман «Варк и Гольшах», но также и «Вис и Рамин», содержат вставленные в них любовные стихотворения или песни, которые читают или поют герои рассказа, как мы это находим — в полном противоречии с античной традицией — у Феодора Продрома, у Никиты Евгениана, который много почерпнул из античной лирики и эпиграмм Анакреона, а также у Евматия Макремволита. В поэзии эпохи Аббасидов также появилась привычка вплетать в собственные

частью в уникальной тегеранской рукописи Искандар-наме (Александрейда) X—XI вв. Мотив о нахождении рассказа, начертанного на деревянных досках и найденного Александром Великим на могиле любовников в Фергане, идентичен с мотивом античного романа Антония Диогена: и в нем рассказ был якобы найден Александром Великим на деревянных досках в могиле одного из персонажей в Тире, часть рассказа происходит далеко на Востоке.

⁴³ Le roman de Varge el Golšâh / Ed. par A. S. Melikian-Chirvani // Arts Asiatiques. Numéro special. P., 1970.

⁴⁴ Бертельс Е. Э. Op. cit. С. 240—241; Мелетинский Е. М. Указ. соч. М., 1983. С. 19—20; 158—159. Он принимает этот роман критически.

⁴⁵ Le roman de Varge el Golšâh. . . P. 35—38.

⁴⁶ Konstantin Manasses / Ed. O. Mazal. Wien, 1967. P. 188. N 92; P. 199, N 137; P. 204, N 159; сравнение жизни человека с дымом и тенью мы находим еще у Пиндара и античных писателей трагедий.

⁴⁷ Мелетинский Е. М. Указ. соч. С. 161—163.